

Работать редактором на дому — невыносимая скука, тем более когда сплошь обращаются недописатели, уверовавшие в своё особое предназначение сказать новое слово в современной прозе. Больше всего удивляет, с каким упорством они настаивают на присутствии здравого смысла в их далеко не совершенной писанине. Никакого толком дельного сюжета, ноль логики, написано казённым языком и, главное, после прочтения их опусов только и хочется, что развести руками или плюнуть в сердцах и так тихонько, ненавязчиво посоветовать заканчивать это дело. Ни одно мало-мальски уважающее себя издательство и в руки не возьмёт подобный шедевр, и рукопись сразу полетит в мусорную корзину. Лиле не раз приходилось выслушивать проповеди, как всё несправедливо устроено в издательствах — нужны связи, надо быть известным блогером или скандальной личностью, тогда коммерческий интерес к книге, пусть и одноразовый, обеспечен. В отсутствие собственного таланта не верил ни один человек, самолично провозгласивший себя писателем и угробивший уйму времени на, как ему казалось, удивительную историю с забойным непредсказуемым финалом, хотя чем дело закончится, Лилия предвидела практически с первой главы, если так можно сказать, произведения. За восьмилетний стаж на данном поприще лишь однажды редактировала нечто более-менее приличное. Автор издался, правда, за свои деньги, и вроде ничего больше не написал. Может, просто к ней не обращался, но на слуху не был, если только не взял

Работать редактором на дому — невыносимая скука, тем более когда сплошь обращаются недописатели, уверовавшие в своё особое предназначение сказать новое слово в современной прозе. Больше всего удивляет, с каким упорством они настаивают на присутствии здравого смысла в их далеко не совершенной писанине. Никакого толком дельного сюжета, ноль логики, написано казённым языком и, главное, после прочтения их опусов только и хочется, что развести руками или плюнуть в сердцах и так тихонько, ненавязчиво посоветовать заканчивать это дело. Ни одно мало-мальски уважающее себя издательство и в руки не возьмёт подобный шедевр, и рукопись сразу полетит в мусорную корзину. Лиле не раз приходилось выслушивать проповеди, как всё несправедливо устроено в издательствах — нужны связи, надо быть известным блогером или скандальной личностью, тогда коммерческий интерес к книге, пусть и одноразовый, обеспечен. В отсутствие собственного таланта не верил ни один человек, самолично провозгласивший себя писателем и угробивший уйму времени на, как ему казалось, удивительную историю с забойным непредсказуемым финалом, хотя чем дело закончится, Лилия предвидела практически с первой главы, если так можно сказать, произведения. За восьмилетний стаж на данном поприще лишь однажды редактировала нечто более-менее приличное. Автор издался, правда, за свои деньги, и вроде ничего больше не написал. Может, просто к ней не обращался, но на слуху не был, если только не взял

псевдоним. Смешили молодые девушки с бойкими предложениями рассказать увлекательную историю своей жизни, полную приключений и трагических моментов, а она по-быстрому сварганит им увесистый роман, ну на худой конец повесть. На то, что их история с трудом тянула на вялый заурядный рассказ, отмахивались:

— Не вы, так кто-нибудь другой напишет — кушать всем хочется.

«Каков редактор, таков и клиент», — не унывала Лиля, держала язык за зубами и как могла исправляла тексты, похожие на разбитые дороги, втайне мечтая написать свою хоть одну-единственную книгу, пусть тоненькую, но по-настоящему занимательную, а на какую тему и какой выбрать жанр, ей было всё равно, только бы не мистику и нечто совсем неправдоподобное, лучше о чистой и прекрасной любви. Почему о любви? Она знала о ней всё и ровным счётом ничего. Знала всё — потому что мечтала, ничего — так как никогда не была любима. Сама вечно влюблялась в тех, кто никакого внимания на неё не обращал — и в школе, и в университете, и уже во взрослой жизни. Некрасивой себя Лиля не считала, скорее на любителя; иногда подсмеивалась, что на очень большого, но в целом неприязни к своей внешности не испытывала. Да, полненькая, да, ножки коротковаты, нос слишком курносый, зато щёки румяные, и на голове целая копна золотых пшеничных волос, и глаза как два ясных голубых озера. Нрава тихого, любила одиночество, но дружить умела, сохранила всех подружек и со всеми поддерживала отношения. У Лили присутствовало одно удивительное качество — постоянство во всём. Когда

Когда ангелы спускаются на землю

несколько лет назад родители-пенсионеры решили переехать из города на природу, долго противилась, потом вняла их уговорам и как-то незаметно быстро приспособилась к загородной жизни, где работать во сто крат приятней: ничто не отвлекает, наоборот, вдохновляет и умиряет въевшуюся под кожу городскую бесполезную и утомительную суетливость. Квартиру на Чёрной речке благополучно продали и взамен купили милый деревянный домик в Комарово, за железной дорогой, на другой стороне от Финского залива. Дом добротный, содержался с любовью — им и переделывать ничего не пришлось. Только отец, который никак не мог сидеть без дела, тут же затеял строительство открытой террасы для летних посиделок. Строил её старинный друг семьи, отец лишь раздавал советы и с энтузиазмом подтаскивал доски. Плотник из него был никудышный. А мама с головой ушла в садоводство. Чего только не насажала — яблонь три штуки, сливу, грушу, заросли кустов малины, чёрную и красную смородину. На посадку картошки и других овощей отец добро не дал, только разрешил организовать грядку с петрушкой и кинзой.

— А морковочку? — умоляла мама. Папа указывал ей пальцем в сторону гастронома и рядом стоящих палаток, где всё продавалось с избытком.

— Пойми, Саша, у нас участок с гулькин нос! Мне ещё баню охота. Ты своей растительностью и так всё заполонила. Скамеечку негде притулить!

— Скажешь мне тоже! Негде!!! — ворчала Александра, но, зная покладистый характер Руслана, терпеливо жда-

ла, когда он сам расщедрится и позволит ей посадить всё, что душа пожелает, пусть хоть вдоль заборчика.

Лето стояло отличное, и уже две недели с самого утра шпарило солнце — не Питер, а курорт средиземноморский. По вечерам нет ни одного двора, где не собираются компании, и по Комарово расстилается дурман жаренного на углях мяса под сопровождение разных музыкальных вариаций, чаще из девяностых. Закаты такие багряные — дух захватывает, и ночи светлые и терпкие. В округе дома разные: есть частные разноцветные деревянные дачки и те, что сдаются внаём дачным хозяйством, как правило, на длительный срок. Съезжать никто не собирается, хоть многие дома и обветшали прилично, слишком прикипает к этим местам. За последнее время, словно грибы после дождя, повылезали целые усадьбы и «дворцы», как их тут называли. Разный люд — от среднего достатка до богатеев, у которых участки такие большие — глазом не окинешь. Через год жизни в Комарово Лиля уже в лицо знала многих соседей и с улыбкой приветствовала их при встрече, когда шла по улочкам с железнодорожной станции, возвращаясь из города или просто прогуливаясь по посёлку... Отец не раз предлагал ей на права сдать и, когда надо, ездить на его машине. Лилия всё это не любила и была уверена, что никогда не освоит сие сложное действие, все столбы сосчитает: рассеянная, невнимательная и трусиха, каких свет не видывал.

— Тук. Тук-тук. Тук, тук, тук, — долбил дятел давно приглянувшуюся сосну.

Лилию радовал этот звук, да и сам красавец дятел, завсегда их участка. Вокруг террасы мама развела розариум,

Когда ангелы спускаются на землю

и над ним кружили и радостно жужжали мохнатые пчёлы. А вот ос Лиля совсем не жаловала. Залетали в дом, ползали между рам... В прошлом году одна ни с того ни с сего набросилась на неё и больно укусила в плечо. Плечо вздулось, покраснело, онемело и ещё долго болело.

— И что за бешеная оса! — ругалась Лиля. Вместе с отцом облазали весь дом и в уголке под балкончиком на втором этаже нашли осиное «логово». Больше полосатые не докучали, ну если только какая приبلудная покажется. Отец методично изгонял кротов, мышей, улиток-слизней и коварную тлю, которая мгновенно губила здоровое дерево — листочки чернели и сворачивались в трубочку.

— Не участок, а святое место по своей чистоте! — гордился папа и чертил план заветной бани, но всё оставалось только на бумаге. Робел приступать: дело незнакомое, а звать специальных людей накладно. Мама радовалась, что отец чем-то занят. После того как ушёл на пенсию, сильно загрустил. Работал полжизни машинистом в ленинградском, впоследствии петербургском, метрополитене. Только для него он так и остался ленинградским. К новому имени города по привычке, а к названию метро не пожелал. Работа на первый взгляд монотонная и однообразная, только не дай бог об этом заикнуться, для отца это было как выходить каждый раз в открытый космос — ответственный человек, верный своему делу. Очень переживал, когда 3 апреля в 2017 году на перегоне между станциями «Сенная площадь» и «Технологический институт» прогремел взрыв. От телевизора было не оторвать, плакал, словно

в этом есть его вина, что на пенсии отсиживается, а там люди гибнут в мучениях и ничем он помочь не может.

Мама то и дело забегала на террасу, несла Лиле любимый чай с молоком и печенюшки, обмазанные вареньем. Лиля ворчала, но благосклонно принимала поднос, развалившись на старом диване, который остался от прежних хозяев и благополучно переместился с мансарды на террасу, где и зимовал, прикрытый толстым брезентом. По весне, как только вылезало солнце, его тщательно просушивали, и казалось, он ничуть не терял свой и так обшарпанный облик.

— Мам, хватит уже углеводами меня пичкать! Или ты боишься, что я, не дай бог, схудну? — смеялась Лиля и похлопывала себя по круглым бокам в полинявших древних трениках неизвестно какого периода её жизни.

— Похудеть нам обеим не помешает. Но думаю, этого никогда не случится. Порода у нас такая, доченька.

— Ну если порода заключается в поедании мучного, то, конечно, и спорить нечего!

— Можно подумать, тебя насильно кормят, — с улыбкой парировала мама Александра и, плавно качая бёдрами, отправилась на кухню, где они с отцом разделялись с огромным мешком, полным белокочанной капусты, — шинковали, квасили.

Делали они её каждый год, много — хватало всем родственникам и друзьям. А те рады-радехоньки, такой хрустящей капусты и на рынке не сыщешь. Как только солнце стало садиться, налетела мошкара, которая

Когда ангелы спускаются на землю

совсем недавно сменила комариные полчища, чей активный период наивысшей подлости подошёл к концу. По сравнению с мошкаррой комары чисто ангелы — пищат, различимы, после травли мгновенно исчезают. Мошкара невидима, непонятно, каким образом выедает кусочки плоти, преимущественно на лице. Ранки долго не заживают, и ничего на этих монстров не действует — только ждать, когда закончится их сезон.

Лилия нехотя сползла с дивана, прихватила любимую подушку, компьютер и потопала спасаться от мошкарры в гостиную. Примостилась в большом кресле, вытянула ноги на мягком пуфике и уже приготовилась работать дальше, как накатила истома, съеденные печенюшки ласково нашёптывали Лиле, что самое время вздремнуть. Она перебралась на диван, сладко улыбнулась, причмокивая послевкусием клубничного варенья. Глаза то медленно закрывались, то бессмысленно приоткрывались. Вдруг увидела напротив себя нечто странное, но удивительное дело — ничуть не испугалась. Ещё и подумала: немудрено, такая жара на улице. Притулившись к книжному шкафу, смешно сделав ножки крестиком и прикрывая причинное место руками, стоял молодой мужчина лет сорока, абсолютно голый. Ошарашенный, он смотрел на Лилию круглыми от ужаса глазами, нечленораздельно мычал, пытаясь что-то из себя выдать. Наконец, в куче ненужных звуков, заикаясь, произнёс:

— В-в-вы кто? Г-г-где я?

— Я-то у себя дома! А вот что вы здесь делаете в таком виде — мне абсолютно неясно. Жду разъяснений!

Лиля старалась говорить чётко и по возможности лояльно: вдруг сумасшедший! Лицо голого мужчины ей было до боли знакомо, и она лихорадочно пыталась вспомнить, где его видела.

— Меня зовут Олег...

Он крадучись, полусогнувшись, всё так же прикрываясь руками, подошёл к окну.

Ей сначала показалось, что незнакомец направляется к ней и непроизвольно вжалась всей массой в диван; диван издал какой-то странный треск, будто под ним подломились деревянные ножки. Судя по его прежнему горизонтальному положению, ей это только показалось, и на мгновение стало дико смешно и уже ни капельки не страшно.

— Всё понятно! — с горькой досадой промямлил голый человек. — Я перепутал дом. Вон там дом мамы... Видно, я туда и собирался.

«Точно не в себе!» — Лиля ещё раз внимательно оглядела мужчину и вдруг узнала. Она не раз видела, как именно в тот дом на шикарном джипе приезжал этот человек с эффектной капризной женщиной, по всей видимости, женой, и двумя детьми — девочкой и мальчиком. Мужчина, как теперь она знала, Олег, да и всё его семейство вызывало у Лили восторг и зависть. «Везёт же некоторым! Муж — симпатяга, жена — как куколка, одета, ухоженна, в придачу двое прекрасных отпрысков».

— Лиля! — громко позвала мама и тут же появилась на пороге гостиной. — Ты не видела бесцветный скотч?

Отец вечно куда-то сунет, что потом не найти... Хотим к каждой банке смешную надпись приклеить, со смыслом. По-моему, хорошая идея! Все будут в восторге!

Лиля от неожиданности подскочила, снесла одним махом комп с коленок и заодно успела опрокинуть чашку с недопитым чаем. В этот момент Олег метался со скоростью света, пытаясь спрятаться, но, видно, не мог сообразить, как это лучше сделать, и по-идиотски застыл в позе античной статуи. Мама, не обращая внимания на обнажённую натуру Олега, ойкнула, всплеснула руками, выбежала и тут же вернулась с тряпкой.

— Какая ты растяпа, Лиля! Хорошо хоть чашка не разбилась! Это же мой любимый сервиз с пионами! Мне его дарили девчонки на пятидесятилетие. Между прочим, покупали в антикварном. Он, конечно, не такой старый, восьмидесятих годов. Но мне дорог как память!

Обычно начинался спор, что это всего лишь чашка и нельзя так по-мещански относиться к вещам... На этот раз Лиля стоически помалкивала, поглядывая то на голого Олега, то на маму.

— Слышишь! — с придыханием прошептала Лиля, когда мама ушла дальше искать скотч. — Она тебя не увидела! Ты для неё невидимка!

Олег с ужасом смотрел на Лилю и тёр виски.

— Не понимаю, что со мной! Помню невыносимо яркий свет, как от прожекторов на стадионе... Каких-то людей, бормочущих вокруг меня, и всё! А мне страшно и так мучительно печально... Это был сон? Ты как думаешь?

— До этого что делал? — допытывалась Лиля.

— Лёг спать! Просто лёг спать!

— Не кричи! — Лилия приложила палец к губам, предупреждая, что, как он уже смог убедиться, они не одни.

— Ты Лилия? Приятно познакомиться.

— Взаимно, — без особого энтузиазма процедила Лилия.

— Так вот! Если твоя мама меня не увидела, может, она меня и не слышит? Кто ещё есть в доме?

— Отец. А что?

— Надо проверить на нём.

— Ты спятил?! Собираешься в таком виде заявиться перед ним, чтобы его удар хватил?

Сей феномен всё же сильно заинтриговал Лилию.

— Подожди, я притащу что-нибудь из отцовского.

Она окинула взглядом Олега.

— Папа по сравнению с тобой птенчик. Не знаю уж, как ты влезешь в его одежду!

— Я что, жирный?! — возмутился Олег. — Да я последнее время из зала не вылезал, каждый день тренировался! Это мышцы! Иди потрогай.

— Положим, трогать я ничего не стану. Только отец на голову ниже тебя и, естественно, без кубиков, — ехидничала Лилия и поражалась своей наглости, вот так запросто, без капли застенчивости, практически по-свойски общаться с голым мужиком приятной наружности.

Она пулей сгоняла в родительскую спальню и притащила холщовые брюки и футболку с надписью «Зенит» — команда, за которую отец болел до самозабвения. Если по телевизору шёл матч, прямая трансляция из Петербурга, а он по какой-то причине не попадал на стадион, в доме всю игру стояли невыносимые вопли. Мало того, он просил, вернее требовал, чтобы дочь и жена сидели рядом и смотрели вместе с ним, ему необходимы соратники, то есть болельщики любимой команды. Лиля с мамой Александрой каждый раз чуть ли не молились за победу «Зенита», иначе отец будет дня три ходить смурной, доставать их разбором игры, ворчать, возмущаться и даже плохо спать.

— Это точно отца? — настороженно спросил Олег, с недоверием разглядывая вещи.

— А чьё ещё?!

— Может, твоего дедушки?.. — Олег вопросительно взглянул на Лилю, не решаясь дальше продолжить свою мысль. Лилия расхохоталась на всю комнату, тут же заглохла, испуганно взглянув на дверь. Хоть дверь была и прикрыта, но слышимость в доме отличная, и не исключена вероятность, что сейчас прибежит мама, во всяком случае, это было абсолютно в её репертуаре.

— Не переживай! Суеверный? Покойников боишься? — хихикнула Лилия. Незванный гость виделся ей таким беспомощным в своей нелепой наготе и явно требовал участия. «Мало ли что с человеком приключилось...»

— Одевайся! Ой, а трусы?

— Обойдусь! — Олег прикрывался одной рукой, другой попытался забрать у Лили холщовые портки, но они выскользнули и упали на пол. Несколько попыток поднять их с пола не увенчались успехом, они даже не шелохнулись и ни на миллиметр не поменяли своё местоположение. Его внезапно осенило, что он ничуть не почувствовал ткань штанов, которая выглядела достаточно плотной и шершавой. Олегу стало не до стеснения, и он заносился по гостиной, как идиот, дотрагиваясь до всего, что попадалось на пути.

— У меня пропала тактильная чувствительность! Я не различаю запахи!!! Вернее, они исчезли! — заорал Олег своим голосом, срываясь на фальцет. — Я могу только слышать и видеть!!! Господи, что со мной?!

Лиля бегала за Олегом, требуя прекратить истерику, но никакие уговоры на него не действовали. Сейчас он точно походил на психически нездорового человека и двигался с такой непостижимой скоростью, что порой исчезал из её поля зрения. От напряжения у Лили разболелась голова. «Чертовщина какая-то! Да что это вообще такое?!» Наконец Олег застыл, на этот раз в позе поникшего Пьеро. Лиля подскочила, ткнула в него злощастными портками с зенитовской футболкой, и её рука без сопротивления прошла насквозь. Они оба с ужасом смотрели на сие происшествие, потеряв дар речи и способность мыслить логически. Немного придя в себя, не сговариваясь, присели на диван. Диван опять издал протяжный стон, но Олег тут явно был ни при чём, под ним не образовалось привычной вмятины, точно он парил в невесомости.

Когда ангелы спускаются на землю

— Приехали! Я что, дух? Ущипни меня. Хочу, чтобы этот страшный сон поскорее закончился.

— За что тебя щипать?! Ты всё равно ничего не чувствуешь!

Лиля пыталась показать ему наглядно, что дело это безнадёжное, щипала и щипала несчастного Олега или то, что называлось Олегом, но в действительности таковым по всем признакам не являлось.

— Я, наверно, умер?.. Ну нет, не может быть! С какой стати?! Если бы я умер, как бы я оказался здесь! Ты же меня видишь, слышишь!

— Не знаю... Тебе надо сходить к маме... — прошептала Лиля и окончательно сникла. Она не очень была знакома с жизнью после смерти, и лезть в инет при «живом» Олеге было как-то неловко.

— Я тебя прошу, только не оставляй меня! — взмолился Олег. — Сходи со мной. Очень боюсь! Жутко боюсь!

— Как ты себе это представляешь?! Да я её не знаю, никогда не общалась, словом не перекинулась! Мне самой сейчас в пору себя щипать. Тебя, как я понимаю, просить бесполезно.

— Ты подождёшь меня у ворот. Я сам зайду в дом. Ну что тебе стоит? Неужели не видишь, что я сломлен, раздавлен...

— Ты с кем там разговариваешь? — спросила голова мамы, смешно показавшаяся в просвете двери.

— Ни с кем! Текст проговариваю...

— А что такая напуганная?

— Так ты меня и напугала! — не растерялась Лиля. — Не мешай!

— А-а-а-а... — сказала голова мамы с улыбкой и тут же исчезла.

— Пошли! — скомандовала Лиля. — Переодеваться не буду, и так сойдёт.

Не успела Лиля сделать и шага, как Олег куда-то исчез, словно растворился. Как болванчик поворачивая голову в разные стороны, она увидела в окне Олега, он улыбался и махал ей рукой из сада.

— Идиот! — выругалась Лиля, и, как по волшебству, Олег благополучно опять оказался рядом.

— Ничего себе, какие штучки я умею выкидывать! — Он радовался, как мальчишка, и весело подмигивал Лиле.

— Я так понимаю, мне стоит только захотеть, и я могу телепортироваться в любую точку! Блин, я был уверен, что такое возможно только в кино. Подожди, ещё куда-нибудь смоताюсь...

— Стоять! — Лиля поняла, что с ним надо поостроже, коли он с трудом владеет собой и вытворяет подобные фокусы. — Сначала к маме!

Олег при упоминание своей матери погрузился и тяжело вздохнул.

— Сейчас пройдем мимо кухни. Отец там. Я первая. Ты следом.

Когда ангелы спускаются на землю

— Мы прямо как заговорщики!

— Это же ты хотел проверить реакцию папы.

Лиля спокойно, как ни в чём не бывало шла по коридору и, дойдя до кухни, увидела отца — тот всё ещё возился с оставшимися кочанами капусты.

— Лилечка, ты куда направилась? А мы тут с матерью хозяйничаем... Она отлучилась чего-то там сорвать со своей грядки. Ты надолго?

— Да нет, пап... Пройдусь немного и вернусь...

Она притаилась в прихожей в конце коридора и подала знак Олегу. Тот мелкими шажками, словно по минному полю, преодолел дистанцию, вдруг развернулся и уже посмелей пошёл назад и наконец опять направился к Лиле, браво маршируя и громко напевая:

— У солдата выходной: пуговицы в ряд. Ярче солнечного дня золотом горят. Часовые — на посту, в городе — весна...

Лиля от ужаса схватилась за голову и ждала, что вот-вот, очумевший от увиденного, выскочит отец.

— Ты спятил окончательно?!

— Он меня не видит и не слышит, как и твоя мама, — спокойно сказал Олег и подошёл к зеркалу. — Мать честная! У меня и отражения нет!

Лиля по инерции встала рядом.

— Видишь, Лилечка, у тебя есть, а у меня ни фиги...

— Это ещё ничего не значит! Не надо раньше времени отчаиваться. Всё это, конечно, более чем странно... Может, мы столкнулись с необъяснимым, чего не дано понять! — подбадривала Олега Лиля, но у самой уже закрадывались мрачные мыслишки.

Поначалу, оказавшись на улице Цветочной, где он знал каждую рытвину и ямку в наскоро положенном асфальте, который латали каждый год, испытал жуткую неловкость и всё время норовил спрятаться за Лилю. Никто из прохожих не обращал на него никакого внимания, и он, немного успокоившись, понуро брёл рядом, иногда, как бездомная собака, с подобострастием поглядывая на свою благодетельницу.

— Ты как в 3D-изображении или в 4D. Необычно выглядишь. Как в анимации.

— Я — мультик! Прикольно... — улыбнулся Олег улыбкой сатира из античного греческого театра.

— Жарко! — Лиля стёрла со лба капельки пота. — Духота! Хоть бы гроза прошла!

— Мне всё равно. Я ни хрена не чувствую и вряд ли потею.

— Вообще-вообще ничего?

Они уже почти подошли к дому его матери, и Лиля преднамеренно остановилась чуть поодаль. От Олега исходила какая-то неведомая вибрация. Лиля ощущала нечто подобное в доме, когда проходил мимо станции Комарово товарный поезд.

Когда ангелы спускаются на землю

— Я когда осознал, что потерял осязание, и не улавливал на ощупь ни одну поверхность, вдруг понял, что могу этим управлять. Всё осталось в моём сознании, в голове. Поэтому я прекрасно представляю, как ты, например, сейчас приятно томишься и словно таешь под жарким солнцем. Нет ни одного дуновения ветерка, сосны ведь стоят как вкопанные. Видишь, как просто. Логика включается! Жутко расстроился, не чувствуя запахов. Ан нет! Они стали гораздо отчётливей. Особо сильный дурман сейчас от хвойных. Не знал никогда, что он такой резкий. Всё в голове! Несомненно там!

Лиля легонько ткнула его пальцем в лоб, и её палец провалился.

— У тебя там ничего нет! Как же ты ухитряешься думать?! Ты полый!

— Полый? Однажды я покупал жене подарок, браслет в Cartier. Продавец попросил положить браслет на ладонь и отметить его лёгкость. Он был полый внутри. Полый — значит пустой. Я пустой! Ты понимаешь, как страшно звучит это слово?!

Ворота дома скрипнули, начали медленно откатываться в одну сторону, и выполз серебристый спортивный мерседес, за рулём которого сидел мужчина в чёрной футболке. Он хмурил брови, недовольно о чём-то разговаривал сам с собой, потом резко повернул руль налево, дал по газам, вскоре чуть притормозил машину, и она начала медленно удаляться, а Лиля с Олегом молча провожали её взглядом.

— Пашка! — чуть не плача воскликнул Олег. — Он посмотрел на нас! Ты заметила? Не признал! А мы такие кореша с самой юности! Чего только не творили. Борзые были, жуть! Пашка особенно. Крутой чувак! Блин, как мне не по себе... Прямо выворачивает наизнанку... Ладно... Пошёл...

— Подожди, я позвоню в калитку.

— Спасибо, очень мило с твоей стороны. Но я уж сам... — Олег скривился в улыбке и растворился.

На другой стороне дороги, через канавку, среди кустарника притулился пенёк от свежеспиленного дерева. Лиля махом перепрыгнула небольшой ручей и присела на пенёк, с досадой вспомнив, что забыла телефон. «Сколько, интересно, его ждать? Уйти нельзя — обидится. И в телефоне даже не покопаться!»

На стоящую рядом берёзу прилетела ворона, уселась на ветку, как раз над Лилиной головой, следом вторая, помельче. Сначала они с любопытством поглядывали на неё сверху вниз, потом начали каркать, точно затеяли спор и ни одна не желала уступать. Каркали они так пронзительно и громко, что Лиле захотелось поскорее избавиться от назойливых птиц. Не найдя ничего подходящего, кроме сухих веток, которые вряд ли спасут ситуацию, она заткнула уши руками и начала напевать всё, что приходило на ум. Время тянулось медленно, и Лилия теряла терпение — хоть иди в этот дом и поторопи Олега. Вспомнив, что сейчас решается его судьба и он наконец-то получит ответы на жизненно важные вопросы, остыла. «Вдруг он встретил там настоящего

Олега, а он лишь его проекция? Ну и глупости мне лезут в голову! Видно, и у меня образовалась полость вместо мозгов!» Вскоре её посетила другая мысль, не менее бредовая: а что, если все эти необъяснимые явления происходят с ней, а не с Олегом?! Подобная версия в целом не поддавалась осмыслению, и она решила, что лучший вариант — просто сидеть и ждать.

Вороны иногда замолкали, но продолжали следить за каждым её движением, пока вновь не срывались на своё противное «кар-р-р-кар-р-р-кар-р-р-р». Лиля попробовала их передразнить и слишком увлеклась этим занятием, ничего не замечая вокруг. Именно в этот момент её самозабвенного карканья проходила женщина с маленьким ребёнком за руку и катила перед собой сидячую коляску. Увидев Лилю, она тут же подхватила малыша на руки и что было мочи припустила по улице, подальше от неадекватной гражданки в кустах. Это было очень смешно, и Лилия, заливаясь смехом, весело подмигнула притихшим воронам. Стоило появиться Олегу, ворон точно ветром сдуло. Не издав ни одного «кар-р-р-р», они очумело замахали крыльями и разлетелись в разные стороны. Олег был необычно бледный, но не так, как бледнеют люди. Он был весь белый, словно вырезанный из листа детского альбома по рисованию.

— Что случилось?!

Он молчал, не зная, с чего начать, и Лилия терпеливо, но с волнением ждала, что же он сейчас ей поведает. Постепенно к Олегу стали возвращаться прежние краски, в белом варианте он выглядел зловеще и своим видом

прилично напугал Лилию, и она уже была готова поверить в то, что Олег есть самое настоящее привидение.

На его лице одна за другой сменялись гримасы горя и страдания. Вдруг у него затряслись плечи, и он разрыдался. Огромные слёзы, не успев показаться, тут же куда-то исчезали, не оставляя ни одного следа на щеках.

«Господи, как пожалеть его?! Невозможно ни приобнять, ни погладить по головке, ни взять за руку!!!» Её сердце раскалывалось, сжималось от жалости и собственного бессилия.

— Я умер! Взял и так запросто умер во сне! И это в сорок два года! Сердце! Какое, к чёрту, сердце, сроду не жаловался.

Олег всхлипывал, как маленький мальчик, и всё время нервно теребил волосы.

— Бедная мама... На ней лица нет... Но держится... Это, наверно, шок. Пипец ситуация! Все зеркала завешены... Родственники бродят взад-вперёд... Вера очень удручена. Она, наверно, думает, как ей теперь жить дальше... Вера — это моя жена. Она такая красивая сегодня... Никогда не видел, чтобы она носила чёрный цвет! А он ей к лицу... Дети у её матери. Мне их не хватает!!! Не могу пока видеть, не выдержу такого испытания... Чуть позже...

Олег опять разрыдался, но вскоре притих. Сказать ему Лиле было нечего, она стояла рядом, сопереживая всей душой.